

Семья Хань и так жила в городе Юньси. Его появление на горе Ушань в этот момент, вероятно, было продиктовано любовью старших, которые сопровождали мать, чтобы вместе вознести молитвы и попросить благословения.

Линь Яньхун изначально хотел лишь отвлечь внимание своей кормилицы, но теперь ему захотелось своими глазами увидеть будущего «чжуаньюаня» — первого на государственных экзаменах.

— Что тут такого особенного? Всего два глаза, один нос, один рот...

Кормилица боялась, что Линь Яньхун увидит этого гения, который всего на год старше его, в состоянии самодовольного триумфа, и это вызовет у него душевную боль из-за невозможности учиться в окружном училище.

Линь Яньхун знал её нрав и сразу догадался о её мыслях. Он сделал вид, что ему всё равно, и произнёс:

— Сначала посмотрим на соперника. Как только я поправлюсь и поступлю в академию Цинтун, возможностей для состязаний будет ещё предостаточно.

Услышав слова Линь Яньхуна, кормилица немного подумала и тут же обрадовалась.

Её Хунэр с каждым днём становился всё здоровее, раз уж смог добраться до такой далёкой горы Ушань, что уж говорить об учёбе в академии!

Его отец имел чиновничий шестой ранг, и как раз у него был один сын, который мог получить привилегию в наследство. Эта квота, конечно же, предназначалась для старшего сына от главной жены. Так Хунэр не нужно было сдавать экзамен туншэн, и он мог, как и его дядя, Линь Эрье, учиться в академии Цинтун!

Хотя поступление по протекции и сдача экзаменов — вещи разные, для тётушки Чунь этот путь к образованию без лишних усилий был лучше для здоровья Линь Яньхуна. А что до разницы в статусе, то по сравнению со здоровьем её Хунэра это было не важно!

Она кивнула и сказала:

— Кормилица понимает. Это то, что вы, учёные, называете «знать свои силы и знать силы врага»...

Линь Яньхун подхватил:

— Да, «знай себя и своего противника, и ты победишь в ста битвах».

— Верно-верно! Именно так и есть! — Тётушка Чунь была полностью убеждена и теперь сама торопила своего Хунэра поскорее посмотреть на того самого Хань Ци.

Как говорится, стечение обстоятельств. Одна из тётушек Хань Ци была близкой подругой родной матери Линь Яньхуна, и мать Хань Ци тоже слышала о Линь Яньхуне. Услышав, что он сейчас находится в храме Хуайинь, она пригласила его на встречу.

— Хань Ци приветствует младшего брата Линь.

Хань Ци сложил руки в приветствии перед Линь Яньхуном, краем глаза окинув того взглядом. Перед ним стоял юноша с прекрасной внешностью, светлый и элегантный, как дерево нефрита

на ветру, с изысканными манерами, привлекающий к себе внимание.

Однако когда Линь Яньхун подошёл ближе и разглядел Хань Ци, он чуть не вскрикнул от удивления.

Дело в том, что он ясно видел: на подбородке и шее Хань Ци росла густая золотистая шерсть, и это определённо не была борода — хотя, если бы у подростка была борода, это выглядело бы не менее жутко.

Но ещё более примечательным было то, что позади него что-то колыхалось. Это что-то было длиной около трёх чи, пушистым, такого же золотистого цвета, только на кончике хвоста был чёрный кольцевой узор. Это без сомнения был хвост!

Самое странное заключалось в том, что, кроме самого Линь Яньхуна, окружающие, казалось, совершенно не обращали на это внимания.

Он широко раскрыл глаза и посмотрел на Хупо, но получил в ответ лишь недоуменный взгляд, словно она не понимала, почему господин так на неё смотрит.

— Младший брат Линь?

Хань Ци не мог не заметить выражения лица и взгляда Линь Яньхуна. Сейчас он был гораздо спокойнее Линь Яньхуна, который «увидел» странное явление, поэтому первым заговорил:

— Неужели младший брат Линь где-то раньше меня видел?

Иначе как объяснить такое выражение изумления.

Голос Хань Ци вернул Линь Яньхуна к действительности, и он начал подозревать, что у него галлюцинации.

Но он моргнул, но картина перед глазами не исчезла. Более того, на ушах Хань Ци тоже начали проступать призрачные очертания, тоже пушистые и заострённые.

Линь Яньхун растерянно замолчал.

Именно в этот момент он вдруг вспомнил строки из «Лянчжоу Цзяньшу».

«Чжии есть вознесение, фамилия — Ли. Члены императорской фамилии Лян рождаются с божественной силой, Воплощение души зримо, предначертано небесами... Иногда императорская кровь обретает Возвращение Души Предка, что сулит миру великое процветание».

«Воплощение души зримо... Неужели это и есть то самое Воплощение души? Но Хань Ци явно не из императорской фамилии, и его "облик" не похож на Чжии... Неужели это значит, что и обычные люди могут иметь Воплощение души?»

«Значит, его "кошачья" форма, скорее всего, и есть моё Воплощение души... Но он полностью "превратился в кошку", что, похоже, немного отличается от облика Хань Ци. Это из-за индивидуальных различий или я просто неправильно понимаю суть?»

Стоп. Самое главное — почему я могу видеть Воплощение души Хань Ци?!

Всё это было слишком странным и загадочным. Линь Яньхун почувствовал, что голова у него

закружилась, а тело слегка покачнулось в сторону.

Хань Ци заметил его состояние и потянулся было поддержать, но Линь Яньхун уже сам устоял.

Он слышал от матери Хань, что здоровье младшего брата Линь не очень крепко. Хань Ци предположил, что тот, вероятно, устал после долгого восхождения и долгого стояния, поэтому и выглядел так странно.

Попрощавшись с семьёй Хань, Линь Яньхун направился в келью, отведённую храмом Хуайинь для отдыха паломников.

Он полагал, что, приехав на гору Ушань, сможет найти то, что не описано в книгах, чтобы разрешить свои сомнения и заодно избавиться от навязчивой идеи.

Но он никак не ожидал, что, найдя, казалось бы, ключевую зацепку, он обнаружит лишь то, что ситуация не прояснилась, а стала ещё более запутанной.

«Старый монах под деревом Бодхи, гадальная палочка, и...»

В этот момент в голове у Линь Яньхуна промелькнуло одно движение — тот старый монах, кажется, указывал пальцем на точку между его бровями.

Но теперь, вспоминая, он понял: ведь в тот момент они говорили о том, что есть «сердце» и что его нет. Как бы то ни было, логичнее было указывать на сердце.

«Точка между бровями... В буддизме есть понятие открытия небесного глаза. Неужели...»

— Господин, управляющий Лю вернулся и хочет доложить насчёт жилища для мирян.

Линь Яньхун отвлёкся от мыслей и сказал своему молочному брату Сюаньцину:

— Пусть войдёт. Мне как раз нужно с ним поговорить.

Во что бы то ни стало он должен был найти способ остаться в храме Хуайинь. Слишком много неразгаданных тайн, и он чувствовал: только здесь он сможет найти ответы.

Однако управляющий Лю принёс Линь Яньхуну две новости — хорошую и плохую.

Плохая новость заключалась в том, что жилище для мирян было заполнено ещё несколько дней назад, и теперь туда невозможно подселить даже одного человека.

Хорошая новость была в том, что храм Хуайинь мог разрешить Линь Яньхуну поселиться в монашеской келье во внутреннем дворе. Но с одним условием: он должен хранить тайну и не упоминать для посторонних о своей «привилегии». Кроме того, он не мог брать с собой никаких слуг в монашескую келью. Иными словами, всё время пребывания в храме Хуайинь ему придётся полагаться только на себя, чтобы быть сытым и одетым.

Кормилица, услышав это, естественно была недовольна.

Хотя Линь Яньхун и не был потомком императоров или полководцев, её Хунэр вырос в заботе, и если бы он внезапно остался один и должен был сам о себе заботиться, тётушка Чунь ни за что не смогла бы успокоиться.

Так же не могли успокоиться и люди, присланные Линь Тунши и госпожой Чжэнь.

Они боялись, что, попав в монашескую келью, старший сын станет недостижим для новостей. Для них, которым нужно было вернуться с отчётом к господам, это была огромная проблема.

Ведь они не могли сговориться и выдумать одну версию, чтобы обмануть хозяйку.

— В храме нужно строго соблюдать дисциплину. Я пришёл сюда молиться и просить о исполнении желаний, а не развлекаться и наслаждаться комфортом. Если другие могут жить одни, почему я вдруг не смогу привыкнуть?

На самом деле, те, кто жил в жилище для мирян, тоже были мужчинами. Каков бы ни был их статус, максимум они могли взять с собой одного слугу.

Хотя иметь одного слугу и полностью обеспечивать себя самого — это разные вещи, разница не так уж велика.

К тому же, храм Хуайинь — это древняя святыня, защищающая страну. Линь Яньхун никогда не слышал, чтобы даже в обычных храмах мирянам-паломникам разрешали жить в монашеских кельях внутреннего двора. А он ведь не был ни высокопоставленным монахом, ни влиятельным сановником.

Линь Яньхун чувствовал, что такое расположение, вероятно, не случайно и связано с тем старым монахом, которого он встретил ранее.

Раз это большой храм, вряд ли они сделают что-то, что может ему навредить.

Как говорится: «Не войдёшь в логово тигра, не поймашь тигрёнка». Но сейчас ещё не время лезть в логово тигра — просто пожить в монашеской келье без прислуги, от этого кусок мяса не отвалится.

Поэтому, немного поразмыслив, Линь Яньхун решил принять это «доброе» предложение храма Хуайинь.

<http://bllate.org/book/17693/1651297>